

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2022
УДК 614.2**Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С.****ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ТРЕНДЫ**Институт демографических исследований ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»,
119333, г. Москва

В статье рассмотрена эволюция исследований и взглядов на вызовы и угрозы процесса демографического старения в работах отечественных и зарубежных ученых. Особенности этого процесса в регионах Российской Федерации заключаются в чрезвычайном разнообразии социально-экономических, климатических, географических и ментальных условий, в которых протекают демографические процессы. Это обусловило наличие разных типов и стадий демографического старения на территории регионов Российской Федерации, а также возможностей смягчения негативных последствий данного процесса.

Ключевые слова: демографическое старение; региональная дифференциация; средняя продолжительность жизни; возрастная структура населения; прекаризация; труд пенсионеров.

Для цитирования: Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Демографическое старение населения региональный российский тренды. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022;30(6):1230—1235. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1230-1235>

Для корреспонденции: Воробьева Ольга Дмитриевна, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, e-mail: 89166130069@mail.ru

Vorobyova O. D., Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S.**THE DEMOGRAPHIC AGING OF POPULATION: REGIONAL TRENDS IN RUSSIA**The Institute of Demographic Research — the Separate Division of The Federal State Budget Institution of Science
“The Federal Research Sociological Center of The Russian Academy of Sciences”, 119333, Moscow, Russia

The article considers evolution of research and views on challenges and menaces of demographic aging process in the works of national and foreign scientists. The characteristics of this process in regions of the Russian Federation consist in special diversity of social economic, climatic, geographical and mental conditions in which demographic processes proceed. This determined availability of various types and stages of demographic aging in regions of the Russian Federation as well as opportunities to temper negative consequences of this process.

Keywords: demographic aging; regional differentiation; average life expectancy; age structure; population; precarization; labor of pensioners.

For citation: Vorobyova O. D., Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S. The demographic aging of population: regional trends in Russia. *Problemi socialnoi gigiyeni, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2022;30(6):1230–1235 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-6-1230-1235>

For correspondence: Vorobyova O. D., doctor of economical sciences, professor, the Chief Researcher of the Institute of Demographic Research of — the Separate Division of The Federal State Budget Institution of Science “The Federal Research Sociological Center of The Russian Academy of Sciences”. e-mail: 89166130069@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project № 22-28-01549.

Received 10.04.2022
Accepted 23.06.2022**Введение**

На повестке дня социально-экономического развития стран и регионов мира, регионов России стоят вызовы процесса демографического старения населения, наиболее остро — в тех регионах, где отмечается экономический рост и социальный прогресс. В них растет продолжительность жизни, сокращается уровень рождаемости и меняется возрастная структура населения в сторону увеличения доли пожилых в общей численности населения. При этом возрастает миграционная подвижность населения, и эффект этих процессов для трансформации возрастной структуры тоже возрастает. Увеличивается социально-экономическая активность пожилого населения, когда представители старшего поколения продолжают участвовать в экономике и в жизни общества в той же мере, что и молодое население, т. е.

смещается жизненный цикл населения. Все эти факторы придают процессу демографического старения населения особую актуальность.

Регионы России наряду с естественным движением населения испытывают разнонаправленное воздействие миграционных процессов. Внутренняя и межгосударственная миграция имеет различные масштабы, половозрастной, образовательный, профессиональный, социальный состав мигрантов. Эти процессы имеют выраженную региональную дифференциацию. Воспроизводственные и миграционные процессы имеют различную региональную окраску при формировании трудовых ресурсов, влияют на спрос и предложение рабочей силы на региональных рынках труда, усиливают или ослабляют демографическую нагрузку, становятся фактором или тормозом дальнейшего развития. Попытки исследования процессов демографического ста-

Здоровье и общество

рения населения на стыке с вызовами на региональных рынках труда и социального развития в регионах России прежде не предпринимались. Учитывая мировой опыт решения новых демографических вызовов, представляется крайне значимым изучить степень и направления воздействия на возрастную структуру населения регионов всей совокупности демографических процессов и миграционных, особенно в целях моделирования перспектив социально-экономического развития и сокращения региональных разрывов в демографической нагрузке и разработке компенсационных механизмов ее экономического ослабления.

Материалы и методы

Опираясь на отечественные и международные исследования в области демографического старения, а также на базе материалов официальной статистики о социально-экономическом и демографическом состоянии регионов России определена их типология по типологическим показателям и проведен анализ взаимосвязи социально-экономических и демографических процессов и региональной дифференциации трендов показателей демографического старения на стыке с вызовами на региональных рынках труда и социального развития в отдельных регионах Российской Федерации. Исследован позитивный опыт по преодолению угроз роста демографической нагрузки стран, столкнувшихся с процессами интенсивного демографического старения населения.

Определения понятия «демографическое старение» и способы его измерения и оценки широко представлены в работах отечественных и зарубежных ученых. В. Н. Барсуков опубликовал в последнее десятилетие ряд исследований, в которых отражены подходы к изучению процесса демографического старения населения и методы оценки этого явления [1, 2]. В. Г. Доброхлеб не раз обращалась к тематике человеческого потенциала, роста продолжительности активной здоровой жизни старшего поколения современной России [3]. В исследованиях С. В. Рязанцева и соавт. [4] уделено серьезное внимание актуальным тенденциям старения населения в современном мире и их последствиям. Важный аспект, связанный с увеличением средней продолжительности жизни и доли населения в возрасте старше трудоспособного, рассмотрен в исследовании И. И. Елисейевой [5]. Пропорционально ли увеличение демографической нагрузки пожилым населением на трудоспособное население увеличению нагрузки на социальную сферу общества? Развитие этой тематики находим чуть позже в работах И. П. Цапенко [6]. Рассмотрены и оценены уже имеющийся опыт развития рынка труда и социальной сферы стран с наиболее высокой долей пожилого населения [7], взаимосвязь продолжительности жизни и уровня образования населения в России [8].

В качестве глобальной проблемы демографическое старение населения рассматривалось зарубеж-

ными исследователями еще в 1970-х годах, в частности в работах Э. Роскета [9].

В настоящее время проводится недостаточно исследований, посвященных анализу взаимосвязи демографического старения и миграции населения. Наиболее яркими являются работы Э. Гидденса [10]. Исследования взаимосвязи демографического старения и миграции населения в Российской Федерации, как правило, показывают существование количественного фактора: миграция молодежи в центральную часть России видоизменяет картину расселения в стране и становится фактором усугубления демографической диспропорции, когда одни регионы молодеют и пополняются населением в младших возрастных группах, другие стареют, поскольку в них изменяется возрастная структура под влиянием миграции молодежи. В первую очередь это затрагивает сельскую местность, малые и средние города. Следовательно, чем больше доля сельского населения в регионе и доля городского населения, проживающего в малых городах, тем интенсивнее миграционные процессы влияют на демографическое старение.

Демографическое старение является объектом нормативно-правовой регуляции, что породило отдельное направление исследований. В 2002 г. в докладе Всемирной организации здравоохранения было введено понятие «активное старение», предполагавшее комплекс мер по оптимизации среды, в которой проживают пожилые, и включению их в активную жизнь. Для оценки качества проводимой политики активного долголетия был разработан многомерный «Индекс активного долголетия» [11], включающий четыре домена: занятость; участие в жизни общества; независимая, здоровая и безопасная жизнь; возможности и благоприятная среда для активного долголетия. Отметим недостаток данного индекса: в нем не учитывается миграция пожилых, хотя переезд является очевидным проявлением активности.

Более узкое направление представляют работы, посвященные миграции населения в старших возрастах, ведущих преимущественно уже «оседлый» образ жизни. Однако отмечено, что вместе с ростом миграции наблюдается рост численности переезжающих лиц в возрасте старше 60 лет. В отечественной литературе представлены лишь аспекты внутренней миграции пожилых из-за низкого числа их переездов в зарубежные страны, в то время как в западной литературе уже с первой половины XX в. активно исследуется международная миграция старшего поколения. Д. Томас обнаружила в 1938 г. связь между возрастом, миграцией и экономическими ролями [12]. В 1980-е годы рассмотрение миграции с точки зрения жизненного цикла человека позволило Е. Литвак и К. Лонгино выделить три типа миграции в старшем возрасте:

- немедленный переезд после выхода на пенсию, связанный с улучшением качества жизни;
- переезд из-за частичной недееспособности к тем, кто может позаботиться;

— окончательный переезд в специализированное учреждение [13].

Среди пожилых мигрантов выделены две группы («молодые» пожилые и «старые» пожилые), где первые чаще мигрируют по собственному желанию, а вторые — по необходимости.

В контексте активного старения выделяется еще одно важное направление исследований: проблемы труда пожилых. Занятость пожилых лиц часто носит precarious характер, что проявляется в неформальной занятости, несоответствии квалификации выполняемой работе, низкой оплате труда, плохом социальном самочувствии пожилых работников. Хотя пенсионеры по старости не могут быть отнесены к «классическому» прекариату (ввиду наличия гарантированного дохода), Ж. Т. Тощенко [14], Г. Стэндинг [15], К. Дёрре [16], Р. Милкман [17] относят пожилых к прекариатам, что обосновано ввиду недостаточного размера пенсии, потребности в ресоциализации после достижения пенсионного возраста, отсутствия гарантий «спокойной старости после завершения трудовой занятости». В этом контексте Д. Лэйн говорит об «онтологической прекарности» пенсионеров, выходящей за пределы ограниченного подхода, сводящегося к изучению трудового аспекта жизни пожилых. Он выделяет три домена прекарности: работа, семья (домохозяйство), государство всеобщего благосостояния. Именно более широкий подход позволяет полноценно оценить прекарность старшего поколения в условиях демографического старения и роста потребности в рабочей силе старших возрастов как национальном резерве для поддержания занятости [18].

Результаты исследования

Если средний показатель региональной дифференциации по доле лиц старше трудоспособного возраста в составе населения по России составляет 24%, то разделение регионов на более или менее возрастное население в составе можно условно провести по этому уровню³. Выше всего доля населения старше трудоспособного возраста в Центральном федеральном округе (ЦФО), Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) и лишь в некоторых регионах Южного федерального округа (ЮФО), Приволжского федерального округа (ПФО), Уральского федерального округа (УФО), Сибирского федерального округа (СФО).

По принятой в 1965 г. на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии, физиологии и биохимии периодизации демографического старения, оно состоит из четырех этапов [19]. На основе значений ряда показателей и индекса глубины старения регион можно отнести к одной из четырех стадий демографического старения:

I. Молодое население (индекс старения менее 15%).

II. Старееющее население (индекс старения в пределах 15—25%).

III. Старое население (индекс старения в пределах 15—25%).

IV. Глубоко старое население (индекс старения более 25%).

Построение индекса глубины старения в России показало⁴, что глубоко старым, т. е. находящимся на IV стадии демографического старения, является население Кировской области и Республики Башкортостан. Старыми и старееющими (II и III стадии демографического старения) является большинство российских регионов. Молодыми — некоторые регионы Крайнего Севера и Республика Тыва, что объяснимо ресурсно-сырьевой направленностью экономики и климатическими особенностями в регионах Крайнего Севера.

Одной из главных причин демографического старения является рост средней ожидаемой продолжительности жизни. Однако России свойственно отставание от большинства развитых стран по этому показателю. В последнее время наблюдается довольно устойчивый рост средней продолжительности жизни, однако он все еще остается низким по сравнению с другими странами. В России в 2019 г. средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении составляла около 71,4 года. Велики региональные различия показателя ожидаемой продолжительности жизни, которые достигают 17 лет: 80,05 года в Республике Ингушетия против 63,13 года в Республике Тыва. При таком относительно низком уровне средней продолжительности жизни очевидно, что в целом процесс старения населения можно охарактеризовать как старение снизу, т. е. то, которое происходит в результате низкой рождаемости, сокращения абсолютной и относительной численности населения в возрасте от 0 до 15 лет.

Существенны также региональные различия уровня рождаемости населения, которые прямо влияют на возрастную структуру населения, а следовательно, на демографическое старение.

В зависимости от уровня основного показателя, характеризующего рождаемость в том или ином регионе, все 85 регионов были разделены на четыре группы. Данный показатель изменяется в пределах (размах вариации) от 2,724 (максимальное значение), до 1,075 (минимальный уровень).

Первую группу составили три региона, в которых суммарный коэффициент рождаемости (СКР) превышает 2,14, что характеризует наличие в данных регионах расширенного типа воспроизводства населения. Это Республика Тыва (2,724), Чеченская

³ Численность населения Российской Федерации старше трудоспособного возраста: Статистические материалы. Электрон. дан. Федер. служба гос. статистики (Росстат). Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/dem1.xlsx> (дата обращения 30.04.2020)

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 г.: Статистический бюллетень. Электрон. дан. Федер. служба гос. статистики (Росстат). Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/main.htm (дата обращения 30.04.2020).

Здоровье и общество

Республика (2,576) и Ненецкий автономный округ (2,176). Отметим, что в 2017 г. таких регионов было четыре, в эту группу входила еще Республика Алтай, в которой в 2019 г. СКР снизился по сравнению с 2017 г. и составил 2,114 вместо 2,361.

Во всех остальных субъектах Российской Федерации СКР указывает на суженное воспроизводство населения. Так, во вторую группу попало 13 регионов, в которых СКР находится в пределах от 1,954 до 1,722, что немного меньше необходимого для простого воспроизводства уровня показателя — 2,14. В основном они входят в состав УФО, ДФО и СКФО.

Однородную по уровню СКР третью группу составили 52 региона, в которых показатель варьирует от 1,679 до 1,354. В данной группе находятся регионы практически из всех федеральных округов.

В четвертую группу вошли 17 регионов, в которых СКР значительно ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения (от 1,349 до 1,075). Самый низкий показатель — в Ленинградской области (1,075). Эту группу с самым низким уровнем рождаемости составили почти все области из ЦФО (Белгородская, Брянская, Воронежская, Ивановская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская области). В целом же в стране в 2019 г. отмечался довольно большой размах вариации данного показателя: максимальное значение больше минимального в 2,5 раза. Важно и то, что среднее по стране значение СКР в 2019 г. стало меньше, чем в 2017 г., и составило 1,504 вместо 1,621. В 82 из 85 регионов произошло уменьшение значения показателя. Исключениями стали три региона: Республика Ингушетия (1,826 в 2019 г. против 1,772 в 2017 г.), г. Москва (1,505 в 2019 г. против 1,384 в 2017 г.) и Карачаево-Черкесская Республика (1,475 в 2019 г. против 1,429 в 2017 г.). Данные за 2019 г. использованы в связи с тем, что показатели за два последующих года подвержены влиянию воздействия пандемии и не отражают устойчивые тренды развития процесса рождаемости.

Обсуждение

Для оценки уровня экономического развития регионов и их дифференциации по показателю производства валового регионального продукта на душу населения проведена группировка, в результате которой можно выделить три типа регионов: с высоким, средним и низким уровнем экономического развития, однако для образования более однородных групп по уровню данного показателя необходимо выделить шесть различных групп.

Проведенная типология в сопоставлении с типологией регионов по показателю демографического старения населения демонстрирует тесную практически прямо пропорциональную взаимосвязь с уровнем экономического развития, как во всех регионах мира. В динамике эта взаимосвязь выглядит следующим образом: по мере экономического роста увеличивается доля в населении старших возрастных групп. Это обусловлено увеличением средней

продолжительности жизни и одновременным снижением уровня рождаемости. Нельзя не отметить, что несколько нарушают отмеченную закономерность факторы, связанные с ментальностью, этническим составом и национальными традициями населения, которые особенно сильны в регионах Северного Кавказа и некоторых национальных республиках Восточной Сибири.

Осенью 2019 г., до начала влияния на демографические процессы пандемии COVID-19, Росстат опубликовал новую методику расчета Индекса активного долголетия. В поиске актуальных методик исследования состояния демографического старения в России мы обратились к исследованию, проведенному с помощью Российского индекса благополучия старшего поколения (РИБСП) [20].

РИБСП рассчитывается на основе данных государственной статистики и показывает уровень благополучия пожилых в четырех доменах — группах индикаторов, описывающих институциональные изменения: экономическом, социальном, региональном и домене здоровья. РИБСП интегрирует объективные и субъективные показатели и позволяет получить количественную основу для качественного анализа благополучия пожилого населения [20].

1. Экономическое измерение

- 1.1. Реальный размер назначенных пенсий.
- 1.2. Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума.
- 1.3. Доля занятого населения старше трудоспособного возраста.
- 1.4. Наличие на прошлой неделе доходного занятия (включая подработку).
- 1.5. Среднее арифметическое значение степени удовлетворенности следующими аспектами работы: заработок, надежность, выполняемые обязанности, режим работы, выполняемые условия, расстояние до работы, профессиональная удовлетворенность, моральное удовлетворение.

2. Социальное измерение

- 2.1. Доля лиц старше трудоспособного возраста, имеющих высшее образование.
- 2.2. Помощь отдельно проживающих детей людям старше трудоспособного возраста.
- 2.3. Доля активных интернет-пользователей старше трудоспособного возраста.
- 2.4. Доля лиц старше трудоспособного возраста, состоящих в общественных организациях.
- 2.5. Доля лиц старше трудоспособного возраста, посещавших какие-либо культурные или развлекательные мероприятия за последние 12 мес.

3. Здоровье

- 3.1. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (женщины 55+, мужчины 60+).
- 3.2. Доля лиц старше трудоспособного возраста, занимающихся каким-либо видом активного отдыха.
- 3.3. Доля лиц старше трудоспособного возраста, оценивающих состояние своего здоровья как очень хорошее, хорошее и удовлетворительное.

Российский индекс благополучия старшего поколения

Наиболее благополучные регионы по показателю РИБСП	Наименее благополучные регионы по показателю РИБСП
Ямало-Ненецкий автономный округ	Костромская область
г. Санкт-Петербург	Республика Крым
г. Москва	Орловская область
Чукотский автономный округ	Кировская область
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	Новгородская область
Московская область	Республика Алтай
Республика Саха (Якутия)	Тамбовская область
	Курганская область
	Брянская область
	Карачаево-Черкесская Республика
	Забайкальский край

3.4. Доля населения старше трудоспособного возраста без хронических заболеваний, установленных врачом.

3.5. Отсутствие вредных привычек — курения и употребления алкоголя.

4. Региональное пространство

4.1. Условия проживания — доля лиц старше трудоспособного возраста, которые оценивают состояние занимаемого ими жилого помещения как отличное, хорошее или удовлетворительное.

4.2. Обеспеченность местами в стационарных учреждениях социального обслуживания в расчете на одного человека в возрасте старше трудоспособного.

4.3. Социальные выплаты — меры региональной социальной поддержки пенсионеров по возрасту, ветеранов Великой Отечественной войны и труженников тыла (в рублях на одного человека в возрасте старше трудоспособного).

4.4. Доля лиц старше трудоспособного возраста, которым нравится жить в своем населенном пункте.

4.5. Доля лиц старше трудоспособного возраста, считающих, что в их населенном пункте нет проблем с отдаленностью социально значимых объектов, организацией работы государственных служб и загрязненностью окружающей среды.

4.6. Доля лиц в возрасте старше трудоспособного, считающих, что в их населенном пункте нет проблем с доступностью негосударственных и государственных услуг медицинского обслуживания и отдаленностью аптек.

По результатам данного исследования составлены таблицы и карта России, демонстрирующие наиболее и наименее благополучные для жизни пожилого населения регионы (см. таблицу).

Российским государством предпринимаются серьезные шаги по улучшению состояния старшего поколения, которые дают результат и одновременно влияют на динамику процесса демографического старения. Достигаются целевые показатели национальных и федеральных проектов, в частности национального проекта «Демография» (и включенного в него федерального проекта «Старшее поколение») и государственных программ: «Социальная поддержка граждан», «Развитие здравоохранения», «Содействие занятости населения»,

«Экономическое развитие и инновационная экономика».

Заключение

Анализ российских региональных различий по основным показателям, характеризующим процесс демографического старения населения, и основных прямых и косвенных факторов, воздействующих на данный процесс, можно подтвердить выводы о том, что более молодой состав населения не гарантирует высокие показатели экономического, социального развития, прямо влияет на воспроизводственные процессы (высокую рождаемость), но не воздействует на торможение демографического старения, а скорее сопряжено с относительно высокими показателями младенческой смертности и общими коэффициентами смертности, что тесно коррелирует с относительно низкими макроэкономическими показателями развития региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-01549.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков В. Н. Демографическое старение населения: методы оценки. *Вопросы территориального развития*. 2014;14(4):1—9.
- Барсуков В. Н. Старение населения в контексте концепции демографического перехода. *Вопросы территориального развития*. 2016;31(1):1—11.
- Доброхлеб В. Г. Человеческий потенциал старшего поколения современной России: что делать? В сб.: Новая экономическая политика для России и мира: Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения. Под ред. В. М. Бондаренко. М.; 2019. С. 74—6.
- Рязанцев С. В., Гусаков Н. П., Маньшин Р. В. Тенденции старения населения в современном мире. *Сегодня и завтра российской экономики*. 2014;(63):53—8.
- Елисева И. И. Старение населения и организация жизни пожилых людей: случай России. *Петербургская социология сегодня*. 2011;(3):11—35.
- Папенко И. П. Социально-экономические контуры общества долголетия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017;61(5):34—44.
- Лебедева И. П. Япония: проблемы занятости пожилых работников. *Японские исследования*. 2018;(4):60—77.
- Шульгин С. Г., Зинькина Ю. В., Щербов С. Я. Ожидаемая продолжительность жизни пожилых в России в зависимости от образовательного статуса. *Демографическое обозрение*. 2018;(1):25—38.
- Россет Э. Старение населения — демографическая проблема XX в. М.: Прогресс; 1977. 103 с.
- Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2015. 240 с.
- Методика расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации: Утверждена приказом Росстата от 31 октября 2019 г. № 634. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337013/ (дата обращения 22.09.2022).
- Greenwood M. J. Migration and Labor Market Opportunities. In: Fischer M., Nijkamp P., eds. *Handbook of Regional Science*. Berlin — Heidelberg: Springer; 2014. P. 5.
- Litwak E., Longino C. F. Migration Patterns among the Elderly: A Developmental Perspective. *Gerontologist*. 1987;27(3):266—72.
- Тощенко Ж. Т. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга; 2020. 400 с.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем; 2014.
- Milkman R. The Senior Precariat. *New Labor Forum*. 2018;27(1):44—52.

Здоровье и общество

17. Dörre K. Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. *Arbeit*. 2006;15(3):181–93. doi: 10.1515/arbeit-2006-0305
18. Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding older worker precarity: the intersecting domains of jobs, households and the welfare state. *Ageing Soc*. 2018;39:2219–41.
19. Чистова Е. В. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне. В сб.: Демографический потенциал стран ЕАЭС. Екатеринбург; 2017. С. 489–96.
20. Павлова И. А., Монастырный Е. А., Гуменников И. В., Барышева Г. А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация. *Журнал исследований социальной политики*. 2018;(1):23–36.
7. Lebedeva I. P. Japan: Employment Problems of elderly workers. *Yaponskiye issledovaniya = Japanese Research*. 2018;(4):60–77 (in Russian).
8. Shul'gin S. G., Zin'kina Yu. V., Shcherbov S. Ya. Expected life expectancy of the elderly in Russia depending on educational status. *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*. 2018;(1):25–38 (in Russian).
9. Rosset E. The aging of the population is a demographic problem of XX century [Stareniye naseleniya — demograficheskaya problema XX v.]. Moscow: Progress; 1977. 103 p. (in Russian).
10. Giddens E. Troubled and powerful continent: what awaits Europe in the future? [Nespokoyniy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Yevropu v budushchem?]. Moscow: RANEP; 2015. 240 p. (in Russian).
11. Methodology for calculating the Active Aging Index in the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337013/ (accessed 22.09.2022) (in Russian).
12. Greenwood M. J. Migration and Labor Market Opportunities. In: Fischer M., Nijkamp P., eds. *Handbook of Regional Science*. Berlin — Heidelberg: Springer; 2014. P. 5.
13. Litwak E., Longino C. F. Migration Patterns among the Elderly: A Developmental Perspective. *Gerontologist*. 1987;27(3):266–72.
14. Toshchenko Zh. T. Precariat: the formation of a new class: (collective monograph) [Prekariat: stanovleniye novogo klassa: (kollektivnaya monografiya)]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2020. 400 p. (in Russian).
15. Stending G. Precariat: a new dangerous class [Prekariat: novyy opasnyy klass]. Moscow: Ad Marginem; 2014 (in Russian).
16. Milkman R. The Senior Precariat. *New Labor Forum*. 2018;27(1):44–52.
17. Dörre K. Prekäre Arbeit. Unsichere Beschäftigungsverhältnisse und ihre sozialen Folgen. *Arbeit*. 2006;15(3):181–93. doi: 10.1515/arbeit-2006-0305
18. Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding older worker precarity: the intersecting domains of jobs, households and the welfare state. *Ageing Soc*. 2018;39:2219–41.
19. Chistova E. V. An approach to determining the stage of demographic aging of the population at the regional level. In: Demographic potential of the EAEU countries [Demograficheskiy potencial stran YEAEES]. Yekaterinburg; 2017. P. 489–96 (in Russian).
20. Pavlova I. A., Monastyrnyy E. A., Gumennikov I. V., Barysheva G. A. The Russian index of well-being of the older generation: methodology, approbation. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2018;(1):23–36 (in Russian).

Поступила 10.04.2022
Принята в печать 23.06.2022

REFERENCES